

К ВОПРОСУ О ПРЕДЫСТОРИИ ПРАВЫХ ПАРТИЙ В РОССИИ. 1902-1904 ГГ.

В. Ю. Рылов

Воронежский государственный университет

Правыми партиями в России начала XX в. называют консервативные монархические партии, которые пытались отстаивать существовавшие в России политические, экономические, социальные, духовные, религиозные, бытовые устои общественной жизни. В самой общей форме их идеологию можно выразить так: православие, самодержавие, первенство русского народа на коренной территории страны [1, 3-4].

В литературе предысторией правых партий обычно называют период с конца 1900 г., когда впервые заявило о себе Русское собрание до Манifestа 17 октября 1905 г. [2], положившего начало многопартийности, и позволившего правым партиям приобрести легальный статус. Настоящая статья посвящена первым попыткам деятельности правых организаций накануне 1905 г. В ней рассматриваются события с мая 1902 г. по декабрь 1904 г. От первого достоверно известного обращения от имени «Лиги для спасения Русского отечества» до того момента, когда правые выступили с серьезным политическим заявлением накануне 1905 г. В декабре 1904 г. Николай II отклонил предложенный министром внутренних дел П. Д. Святополк-Мирским проект указа о привлечении выборных лиц в Государственный совет, делегация Русского собрания, принятая царем, приветствовала это решение: «Здесь раздаются голоса, дерзновенно требующие отказа от наших родных святынь. Русское собрание не может быть молчаливым свидетелем этого явления» [3, 1]. Однако специально останавливаться на деятельности Русского собрания мы не будем.

В отечественной историографии о начале XX в. традиционно акцентируется внимание на тех процессах, которые способствовали развитию революционного и либерального движений, подвели Россию к революции, однако в то же самое время начало формироваться и правое движение, главной силой которого были правые партии. Характеристика деятельности правых организаций ограничивалась освещением зубатовского рабочего движения, патриотических манифестаций в Москве 19 февраля 1902 г. по поводу годовщины отмены

крепостного права. По этому поводу «московские рабочие» зубатовского толка «объединенные в братский, неразрывный Союз» обратились с письмом к епископу Можайскому в котором говорилось, что «праздник 19 февраля является символом единства русского народа со своим царем... освященного и одухотворяемого Православной церковью». [4, 80]

В последней литературе правый спектр общественно-политического движения до 1905 г. представлен гораздо шире. Предыстория правых партий освещалась на примере Русского собрания в публикациях И. В. Лукоянова [5], В. Ю. Рылова [6], Ю. И. Кирьянова [7]. К ним же можно отнести и статью В. Я. Лаверычева, посвященную кружке «Беседа», возникшему в конце XIX в. Кружок воспринимался обычно как либеральный. Однако в кружке были и консерваторы. Интересно отметить, что на заседаниях «Беседы» присутствовал и В. А. Грингмут, издатель «Московских ведомостей», впоследствии лидер Русской монархической партии [8]. В последнее время появляются и другие работы, в которых освещается предыстория правых партий [9]. Одной из первых работ на данную тему была публикация Е. М. Макаренко о «Лиге для спасения Русского отечества» [10]. Основой настоящей статьи явилась публикация документов Ю. И. Кирьяновым и Б. Ф. Додоновым [2], хранящихся в ряде фондов Государственного архива Российской Федерации за 1902–1904 гг.: Особого отдела Департамента полиции МВД, листовок, Николая II, Б. В. Никольского.

Благодаря этим исследовательским и документальным публикациям, вопросы истории правых партий постепенно выходят за рамки 1905–1907 гг. Об этом свидетельствует возникновение в 1900–1901 гг. Русского собрания, поначалу сугубо культурно-просветительской организации, выступившей с политическими заявлениями в 1903 г. В этом контексте можно рассматривать патриотический подъем и манифестации по поводу начала Русско-японской войны, а также активизацию правых сил в элитарных политических салонах Петербурга, попытки Заграничного отдела ДП МВД во главе с

П. И. Рачковским (причастного к созданию в 1905 г. Союза русского народа) в 1902 г. противопоставить действовавшим за рубежом русским леворадикальным организациям консервативные силы. Данные вопросы почти не исследовались в контексте предыстории правого движения.

Рассмотрим и другие попытки деятельности различных (в том числе и полулегальных) групп и кружков, выступавших с политическими антиреволюционными заявлениями в различных частях империи и за границей в указанный период.

Первыми достоверно известными обращениями от имени политической организации были листовки «Лиги для спасения Русского отечества». Инициатором создания призывов был Рачковский, который в докладе директору ДП МВД С. Г. Коваленскому от 31 мая 1902 г. отмечал, что благодаря революционной агитации, «самые благонамеренные французские элементы постепенно проникаются неблагоприятным отношением к России». Революционными кругами «распространяются всевозможные слухи, которые, в конце концов, если не положить им предела, не могут не подрывать авторитета ИМПЕРАТОРСКОГО правительства во Франции... Ввиду всего вышеизложенного, я задался мыслью возвестить Европу о том, что в России существует будто бы особая "патриотическая Лига", поставившая себе задачей воздействовать на наше инертное общество и, главным образом, на так называемую русскую интеллигенцию в смысле отрезвления ее от космополитических утопий, а также о состоявшемся будто бы решении Лиги активно бороться с подпольными элементами в России и за границей» [11, 81] – писал Рачковский. Задачей Лиги должна была явиться «защита русских интересов во Франции путем опровержения ложных слухов (*о России. – В.Р.*), освещение отдельных фактов русской жизни... создание благожелательного для правительства направления» [11, 81].

В своем докладе Рачковский также отмечал, что идея создания Лиги была им «внушена» лояльниками по отношению к России французам. Кроме того, одним из «секретных деятелей» и организаторов Лиги был директор парижского телеграфного агентства «Paris Nouvelles» Эдгар Рольс. Главой Парижского комитета Лиги был Ренар Ламбер. Непосредственным организатором Лиги, по-видимому, был сотрудник Департамента вероисповеданий, агент МВД в Риме «по католическим духовным делам» Мануйлов. Уже в 1902 г. в Париже организовался небольшой кружок французов-лиговцев, «вдохновленных, – по словам Рачковско-

го, – идеей франко-русского сближения» [11, 81]. Очевидно, что упомянутые французы были теми, кого сейчас называют «агентами влияния», связанными с Рачковским. Можно предположить, что социальной базой организации являлись французские монархисты и правые республиканцы. По всей Франции были расклеены прокламации, призывавшие французов бороться с русскими радикалами. Таким образом, полицейская компания получила реальное воплощение и принесла результаты. Во всяком случае зарубежные радикалы были немало напуганы. Зарубежными радикалами был подготовлен текст для левых газет Вены, Берлина и Лондона, в котором разоблачалась деятельность Лиги. Революционеры не без основания полагали, что к ее созданию причастна полиция [12, 87].

В докладе Коваленскому Рачковский рисовал перспективы деятельности организации: «При известном такте, конспиративности и умелой организации дела Лига даст блестящие результаты. К этой организации примкнет масса французских патриотов, деятельность Лиги, распространившись на всю Францию, парализует антирусское течение» [13, 82]. Идеи Рачковского по инспирированию Лиги шли гораздо дальше борьбы лишь с оппозиционным движением за границей. Он считал, что вопросы внешней и внутренней политики России «решительно игнорируются, и никто и никогда не отстаивает их в общественном мнении западноевропейских государств». Однако Рачковский также отмечал, что Министерство финансов, «сознавая всю важность печати, весьма часто прибегает... к подкупам журналистов, но подобная система, внося элементы шантажа и вымогательства, преследуя лишь цели защиты интересов своего ведомства, не дает серьезных результатов» [13, 82].

Другими словами, Рачковский хотел заняться вопросами управления общественными отношениями, что сейчас называется проведением долгосрочных PR-компаний. Сделать это он пытался с помощью инспирированной им же Лиги. Заметим также, что Рачковский предполагал, что впоследствии Лига станет «самофинансируемой»: «В основу Лиги положены патриотические начала, а потому, выпуская издания, *устраивая реформы (выделено мной. – В.Р.)*, прибегая к сбору пожертвований, [Комитет Лиги] сумеет образовать самостоятельный фонд, необходимый для оплаты редакционных статей, которые будут помещаться во... французских газетах» [13, 82].

Филиал Лиги возник и в Риме. Некий Луиджи де-Маринис, очевидно, что с подачи агента МВД в

Риме Мануйлова, написал письмо директору ДП МВД, в котором сообщил о формируемой летом 1902 г. в Риме «Лиге молодых итальянцев для защиты идеалов ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Российского ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II». В этом письме де-Маринис просил оказать ему содействие, а также интересовался «нет ли в России главы подобной Лиги, с которым я бы мог войти в непосредственные сношения» [14, 86]. Ответа на свой запрос итальянец не получил. В Риме, так же как и в Париже, социальной базой данной организации выступили местные консервативные элементы.

Интересно отметить, что Харьков был назван в одной из листовок «Лиги» как центральный административный пункт названной организации.

По этому поводу министр внутренних дел В. К. Плеве писал летом 1902 г. министру иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу в ответ на запрос последнего о том, что сведений в МВД о Лиге не поступало и «Харьковский центральный комитет ничем... себя не проявил» [15, 85]. Естественно, никакого комитета в Харькове не было, однако уже в 1903 г. в именно Харькове открывается первый провинциальный отдел Русского собрания. Необходимо отметить, что Плеве также заинтересовался Лигой и затребовал материалы о ее деятельности. Как известно, Плеве поощрял создание зубатовских рабочих организаций. В 1902 г. он одним из первых высших чиновников вступил в Русское собрание, узнав, что Николай II благосклонно отнесся к этой организации [7, 29-30].

Однако деятельность Лиги не получила дальнейшего развития. Посол в Париже, князь Урусов, сообщал своему начальнику, графу Ламздорфу, о своем негативном отношении к Лиге. Из письма следовало, что отзывы газет не только радикальных, но и умеренных «далеко не благоприятны загадочной "Лиге"... нужно добавить, что, не говоря об оскорбительном для русского самолюбия воззвании за помощью к иностранцам о "спасении (!) русского отечества"... чего можно ожидать, кроме вреда, из поставленного таким образом дела», кроме того, и сам Рачковский, по словам Урусова, «не смог сообщить никаких положительных сведений» о Лиге [16, 86].

Вместе с тем, Рачковский пытался отвести от себя подозрения в причастности к созданию Лиги. В одной из листовок Лиги содержались изобличения Рачковского и жалобы на его якобы плохое отношение к ней. Интересно отметить, что в этом были уверены и радикалы. В упомянутом сообще-

нии радикалов для зарубежных газет было отмечено, что «Русское правительство действительно начало интересоваться планом Русской лиги, но начальник тайной полиции *Роштровский (вероятно Рачковский)* (так в тексте. – Выделено мной. – В.Р.) посмотрел на это косо, ибо он предвидел в затеях Лиги себе конкуренцию». [17, 87] Как видно, все обстояло ровно наоборот. Рачковский, скорее всего, намеренно запустил через своих агентов в радикальных кругах данную дезинформацию, с тем чтобы запутать и радикалов, и своих недоброжелателей в правительственных кругах.

Известно о негативном отношении к нему Плеве, вследствие того что Рачковский предоставил отрицательные сведения об оккультисте Филиппе, пользовавшемся расположением Николая II и Александры Федоровны. Вскоре Рачковский был отстранен от должности заведующего Заграничной агентурой ДП МВД и вышел в отставку, в какой-то и был до 1905 г. [2, 88]. Другими словами, деятельность Рачковского по инспирированию Лиги имела и чисто карьерные соображения. Кроме того, по словам современных исследователей, доклад Рачковского «кроме обычных причин, вызванных деятельностью русской революционной эмиграции, имел побудительным мотивом и стремление ослабить впечатление от прохладного отношения французов к Николаю II, который посетил Францию осенью 1901 г.» [2, 88]. Однако царю во время предыдущего посещения Парижа в 1896 г. был оказан теплый прием. Встречать царя и его семью приехал почти миллион французов из провинции: «Население было охвачено подлинным восторгом. Любовь к зрелищам соединялась с живущими в массах монархическими наклонностями... и только немногие французы не поддались в эти дни искреннему увлечению Государем и Россией» [18, 69]. Таким образом, именно в республиканской Франции существовала определенная база создания франко-русской Лиги.

Вместе с тем, при таких обстоятельствах деятельность ДП МВД шла вразрез с интересами внешнеполитического ведомства, которое представлял в Париже Урусов. Получалось, что посол недостаточно отстаивает «русские интересы», о которых писал Рачковский. Иными словами, вторжение Заграничного отдела МВД в «епархию» МИД было воспринято крайне негативно. Другим важным моментом было то, что действия Рачковского опережали время. Отсутствовала законодательная база для подобных организаций. Правительство считало, что оно сможет справиться с

оппозиционным движением своими силами, без привлечения общественности, тем более иностранной. В конечном итоге деятельность Лиги была свернута.

Однако опыт создания правых организаций «сверху» был воспринят некоторыми правительственными кругами с интересом. Об этом свидетельствует появившийся в 1903 г. проект Н. М. Хайтановского о создании «Георгиевского общества в целях нравственного воспитания народа в духе преданности "Богу, Царю и Отечеству"» [19, 79]. Очевидно, что этот проект властей по созданию правых организаций «сверху» оказался полезным правительству в 1905 г.

Интересно отметить, что данный девиз и имя св. Георгия Победоносца было впоследствии весьма популярным у Союза русского народа и других правых партий. Как известно, св. Георгий был изображен на гербе и значках СРН, некоторые отделы организации назывались в честь этого святого, например, Митрофано-Георгиевский СРН в Воронеже, Минино-Георгиевский СРН в Нижнем Новгороде.

Следует сказать, что аналогичные попытки создания правых организаций, вероятно, не без влияния опыта вышеописанной Лиги были предприняты уже внутри страны. Одно из первых таких обращений вышло до 20 февраля 1903 г. в виде листовки, изготовленной на мимеографе, от имени Нижегородского комитета «Слово и дело». В этом воззвании говорилось: «Мы, по примеру московских и петербургских рабочих, организовали комитет для противодействия изменникам дорогой нам родины России. Наш комитет поставил себе твердой задачей искоренить злые замыслы наших врагов. Члены наши поклялись перед Св. Евангелием на случай нужды положить живот свой за ЦАРЯ и ОТЧИЗНУ» [20, 110]. В данной организации состояли рабочие местных заводов и фабрик, члены зубатовских профсоюзов. Именно в этой среде с помощью полиции мог возникнуть означенный комитет. Первые известные собрания Комитет провел в Сормове (где был филиал Нижегородского комитета) 22 февраля и в Нижнем Новгороде 29 февраля 1903 г. Эти собрания были приурочены к годовщине отмены крепостного права.

Обращения комитета произвели впечатление на радикально настроенных рабочих, которые в своих листовках от имени местного филиала РСДРП обвинили Нижегородский комитет в провокации, т. е. в сотрудничестве с полицией. В мартовском обращении комитета по этому поводу

говорилось: «В этих прокламациях тунеядцы, продавшие свою честь, свою веру, Святую Церковь и присягу Царю и родине, внушают нам, что под личиною нашего общества якобы скрываются действия полиции. Не можем не высказать своей радости, что опозоренные изменники потеряли разум и утешают себя хотя бы этой мыслью». [20, 111] Авторы обращения подчеркивали, что в состав комитета не было выбрано ни одного лица, «служащего или служившего... в полиции». [21, 111] В листовках использовалось обращение «товарищи». Скорее всего, данные прокламации составлялись не рабочими, а самодеятельными местными монархистами либо жандармами.

В мартовской листовке также отмечалось, что комитет располагал своими агентами в среде радикальных рабочих. Однако принимать «решительных мер против изменников», т. е. оказывать силовое воздействие на радикалов, «пока мы не будем», в надежде на то, что революционеры «осознают свои заблуждения и раскаются», – говорилось в обращении комитета. В качестве средств борьбы с радикалами предлагались хорошо проверенные методы: «Мы предоставляем полиции излавливать их (*радикалов*. – *В.Р.*) для заслуженного наказания», а также «периодически беседовать с вами (*радикалами*. – *В.Р.*) и давать советы на ваши запросы» [21, 111]. Другими словами, комитет намеревался бороться с радикалами мирными средствами путем контрпропаганды и взаимодействия с полицией, что исключало вооруженные столкновения и массовые драки. Однако имели место и столкновения между рабочими-радикалами и монархистами. Это произошло в Сормове 9 февраля 1903 г. Скорее всего, драку спровоцировали рабочие-радикалы, т. к. сам комитет признавал в своем апрельском обращении, что общество рабочих-монархистов немногочисленно [22, 113]. Другими словами, первыми нападать на радикалов монархисты не стали бы. В той же прокламации содержалось требование к революционерам не проводить демонстрацию 1 мая 1903 г. и «воздержаться от преступных намерений». В обращении содержались также угрозы в адрес революционеров: «В решительные минуты нам придется идти товарищ на товарища, брат на брата... Проливать кровь, так как действия правительства в таких случаях (*т. е. революционных демонстраций*. – *В.Р.*) мы находим *полумерами* (*выделено мной*. – *В.Р.*)» и «поступим с басурманами (*т. е. революционерами*. – *В.Р.*) также, как поступили рабочие в Орехово-Зуеве, на Шлиссенбургской мануфактуре и на одном из Южных заво-

дов – растерзав их» [22, 113]. Вероятно, что число сторонников комитета среди рабочих выросло, если они считали, что могут дать отпор радикалам.

Членов комитета также возмущало то, что радикалы в своих прокламациях скептически относились к тому, что в своих листовках рабочие-монархисты «призывают на помощь Господа». Из этого члены комитета делали вывод о том, что авторы радикальных листовок «не только не принадлежат к нашему рабочему классу, но и не имеют ничего общего с русским народом» [23, 111]. То есть правые отказывали в «русскости» нелояльным подданным империи. Рабочих, разделявших революционные взгляды, в прокламациях называли безумцами и изменниками. Тот факт, что значительная часть рабочих примкнула к радикалам, правые объясняли «направлением иностранцев», деятельностью «подстрекателей», «административно высланных студентов-пропойц», «вытуренных из столиц курсисток» и т. д. Другими словами, правые отказывались признать, что радикалы также могли выражать социально-экономические и политические интересы рабочих. Как следует из обращения комитета, причины конфликта были не только политическими. Дело в том, что деятельность Нижегородского комитета затруднила сбор средств среди рабочих на нужды революционных организаций. Некоторые попросту отказались давать деньги революционерам.

Иных сведений о Нижегородском комитете «Слово и дело» нет. Скорее всего, деятельность этой организации зубтовского толка была свернута, так же как и годом ранее деятельность Лиги. Однако политический опыт для правых не прошел бесследно. Уже летом 1905 г. в Нижнем Новгороде стихийно образовался Союз «Белое знамя», ставший у истоков всех местных правых, консервативных организаций.

Почти одновременно с обращениями в Нижегородской губернии, похожее послание от имени «Русского союза» распространялось и в уездах Минской губернии. Всего местные жандармы выявили до 30 воззваний. Начальник Минского ГЖУ докладывал в ДП МВД 1 мая 1903 г. о том, что в Бобруйске были обнаружены листовки «писанные от руки чернилами, буквами на манер печатных. Прокламации эти по своему содержанию заключают в себе призыв ко всем христианам принять участие к искоренению революционной пропаганды, распространенной еврейским союзом (*то есть Бундом. – В.Р.*) Польши, Литвы и Юго-Западного края, вооружиться против ”жидов” силою и учинить ”смерть

жидам”». Заканчиваются прокламации эти словами: ”Да здравствует ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ III!!! Да здравствует Россия со всеми своими верноподданными, защитниками своего возлюбленного МОНАРХА!”» [24, 114]. Естественно, что хождение подобных призывов являлось незаконным. Кроме того, в листовке содержались призывы, возбуждающие национальную и религиозную рознь. Несмотря на патриотические лозунги, присутствовавшие в обращении, оно было изъято и распространение листовки было запрещено.

Следующее обращение относится к «Воронежскому комитету борьбы против социализма» (ВКБПС). Это обращение было выявлено в фонде Воронежского ГЖУ. Дело ВКБПС состоит из трех экземпляров листовки названного Комитета. Призывы ВКБПС написаны от руки фиолетовыми чернилами, с оттисками печати «Воронежский комитет борьбы против социализма». Данное обращение появилось в Воронеже 30 августа 1903 г. и было названо «Призыв». Иных сведений о деятельности ВКБПС в деле не содержалось, равно как и других документов о деятельности организации в фондах ВГЖУ выявлено не было. Комитет намеревался наладить регулярный выпуск листовки, т. к. данное обращение вышло под заголовком «Листок № 1» [25]. О деятельности ВКБПС можно судить лишь по трем обнаруженным экземплярам листовки.

В воззвании Комитета говорилось: «Друзья! сильно бьется сердце и больно становится смотреть на эти страшные картины гнусных злодеев, которые своими прокламациями извращают умы молодых людей, сбивая с истинного пути». Листовка была обращена к молодежи: «Неужели каждый из вас поднимет руку на Самодержца, неужели вы не можете понять, какая гибель грозит нашему Отечеству, которое цветет и крепнет на страх врагам, неужели каждый из вас живет чужим умом и берет пример с изменников Родины, скрывающихся за границей, действуя по наущению иностранных держав» [25]. Работе левых партий среди молодежи, направленной путем создания революционных организаций на ликвидацию самодержавного строя, члены комитета хотели противопоставить сплоченную антиреволюционную организацию: «Призываем Вас организовать одно неразрушительное общество борцов за правое дело против наших врагов — социалистов, которые своими ложными учениями отвлекают массы людей». Обращение заканчивалось на патетической ноте: «Поднимем белое знамя — символ чистоты, борьбы

и преданности Царю и Отечеству» [25]. Эти листовки не могли иметь широкого хождения. Сам факт их написания от руки свидетельствует об отсутствии серьезной материальной базы у правых, чего нельзя сказать о возможностях левых организаций того периода, и отсутствии поддержки правых со стороны властей.

С уверенностью можно сказать, что автором обращения был Н. Н. Пантелеевский, директор Воронежского технического железнодорожного училища и в последствии один из лидеров Союза русского народа в Воронеже. Обращение ВКБПС текстуально совпадает с его речью «Взгляды на воспитание и обучение», опубликованной в «Воронежском телеграфе» 21 сентября 1903 г., по случаю 25-летнего юбилея училища. Речь Пантелеевского прозвучала месяц спустя после появления «Призыва». В своей речи он отмечал, что воспитание учащихся должно идти «на почве религиозной», а главной задачей школы должно быть развитие в учащихся «чувства любви, преданности и верности к Государю и Отечеству с правильным пониманием верноподданнических обязанностей: уважения к закону, государственным установлениям и общественным учреждениям». Пантелеевский стремился выявить причины, по которым молодежь присоединялась к левому движению: «Все болезни человеческого организма происходят от вражеского вторжения в него болезнетворных начал в виде бактерий, бацилл и т. п., имя чему легион. И несомненно, что человеческий организм был бы осужден на гибель, если бы не носил в себе самом способности бороться и противиться им». Он называл «бациллами» проводников либеральных и революционных идей в среде молодежи. Согласно его оценке, «анонимные борзописцы» на страницах газет «изошрялись... в поношении школы и ее работников», а беллетристика, по его словам, представляла собой «образцы претенциозной гнусности» [26, 2].

Сведений о структуре, численности, составе первой выявленной в Воронеже правой организации нет. В ней, вероятно, состояли представители консервативно настроенной интеллигенции – будущие лидеры и активные участники Союза русского народа, появившегося в Воронеже в ходе революции 1905–1907 гг. После августа 1903 г. каких-либо других упоминаний о деятельности ВКБПС и других правых организаций в Воронеже нет вплоть до 1905 г.

Необходимо также отметить, что деятельность подобных ВКБПС организаций с точки зрения законодательства страны являлась нелегальной.

Правые консерваторы, в силу своей изначальной установки на соблюдение законов, сами выходили за рамки легитимности. Другими словами, они не имели права создавать политические партии, даже заявлявшие о своей приверженности самодержавию. Российские политические партии смогли конституироваться лишь после известных указов 18 февраля и 17 октября 1905 г., гарантировавших свободу слова, печати, собраний, союзов. Как известно, первой правой организацией в России было Русское собрание, возникшее на рубеже 1900–1901 гг. в Петербурге. Однако РС, в силу своих официальных установок, являлось культурно-просветительской общественной организацией русофильской направленности, а не политической партией. Лишь в ноябре 1903 г. правые делают свои первые политические заявления именно при открытии Харьковского отдела РС. Таким образом, ВКБПС являлся одной из самых первых правых организаций в России.

Сведения о выявленном в ГАВО документе стали известны научной общественности из наших публикаций [27, 149], что являлось открытием, которое позволило по-новому взглянуть на предысторию правого движения. В последствии листовка ВКБПС (как и другие подобные обращения) была выявлена Ю. И. Кирьяновым и Б. Ф. Додоновым в ГА РФ и опубликована [28, 172-173]. По словам исследователя правого движения Кирьянова: «При разработке архивного материала [в ГАВО Рылову] сопутствовала удача: он впервые выявил созданную в Воронеже в 1903 г. правую организацию [ВКБПС]... В дальнейшем подобного рода организации были выявлены и в некоторых других городах России. Все это расширило представления о правом спектре общественного движения» [29, 4].

Создание ВКБПС было сугубо местной инициативой. Однако нельзя не заметить и попыток консолидации правых сил в то же время. В 1903 г. аналогичные листовки, изготовленные на гектографе, вышли в г. Холм от Холмского монархического общества. В воззвании общества содержался призыв к объединению монархистов: «Организуйтесь, граждане земли русской... выходите в вооружении веры под сенью креста Господня против безбожников, анархистов, вразумляйте вербуемых ими нечестных и неопытных русских юношей, неразумно расстраивающих русскую жизнь» [30, 119].

Другое обращение, уже от имени отдела Холмского Русского общества «Православие, самодержавие, народность», с аналогичным содержанием появилось в 1903 г. Это воззвание содержало при-

зыв к населению и молодежи не поддерживать «борцов за свободу» (под которыми понимались социалисты, конституционалисты и революционеры), причиняющих «в настоящем народу одно зло». Особенно страдали от действий радикалов, по мнению правых, рабочие, т. к. забастовки приводили к безработице. Холмские монархисты считали, что простые люди жили бы хорошо, если бы радикалы занимались не пропагандой революции, а «делились бы с народом познаниями, необходимыми человеку на каждом шагу, – это была бы большая польза для народа!!!» [31, 120]. То есть правые призывали радикалов заняться культурно-просветительской деятельностью вместо борьбы с самодержавием. Холмское обращение интересно еще и тем, что в нем впервые присутствовала и критика властей: «Хорошо жилось бы народу, если бы несправедливые слуги царицы не брали с него по два раза подати, не выжимали бы с него взятку» [31, 120]. Здесь правые впервые выдвинули важный тезис о том, что «бюрократия заслоняет светлую личность царя от народа». Критика бюрократии присутствовала в дальнейшем во многих программных положениях правых партий.

В ноябре – декабре 1903 г., в связи с открытием Харьковского отдела РС, началась активизация монархически настроенных студентов. В результате часть студентов примкнула к Русскому собранию. Кружки «русских студентов» были при Ветеринарном, Техническом институтах, а кружок в Харьковском университете насчитывал 82 человека [32, 118]. Студенты-монархисты Харьковского университета отправили икону Серафима Саровского и адрес с выражением патриотических чувств Финляндскому генерал-губернатору Бобрикову [33, 120]. Патронами кружков выступило РС. Один из основателей и руководителей Петербургского собрания правых публицист В. Л. Величко опубликовал в «Харьковских губернских ведомостях» стихотворение, посвященное «русским студентам» [34]. Местный лидер Собрания, профессор Харьковского университета А. С. Вязигин (впоследствии один из лидеров правых), выступил организатором кружка «русских студентов». В начале декабря 1903 г. Вязигин писал Б. В. Никольскому, приват-доценту Петербургского университета, члену Русского собрания и также одному из видных правых: «Многочисленные запросы местных студентов побуждают меня обратиться к вам с просьбой дать сведения о "Христианском содружестве учащейся молодежи", его уставе, деятельности и целях, им преследуемых» [35, 117]. Петербургское

собрание предоставляло свои помещения «для выработки устава студенческого общества, создаваемого во имя Православия, Самодержавия и Народности», с целью противодействия радикальной студенческой молодежи [36, 125].

Стоит заметить, что студенты-радикалы устроили демонстрацию в день открытия Русского собрания 27 ноября 1903 г. Приезжавших на открытие членов РС радикалы «приветствовали оглушительным шипением и свистом». Радикальная демонстрация была рассеяна полицией. Наибольшее неудовольствие радикалов вызвало то, что к Русскому собранию примкнули и «русские студенты» [37, 115]. Активизация студентов-монархистов вызвала негодование революционно настроенных студентов. Революционеры считали, что студенческая «монархическая партия» «поддерживается правительством, в лице пресловутого "Русского собрания", благодаря которому в Харькове "русские" студенты организовались» [38, 118].

В свою очередь, в одной из своих прокламаций, студенты-монархисты заявили, что будут публиковать списки с именами «студентов-революционеров и вдохновителей-профессоров, т. е. будут передавать их в руки правительства» [39, 120]. В результате студенты-монархисты были обвинены радикалами в «шпионстве». По поводу этой прокламации состоялось собрание радикальных студентов. На эту сходку пришел инспектор и потребовал от студентов разойтись. В ответ на это требование студенты заявили о том, чтобы «революционной партии» тоже разрешили организоваться, т. к. «нельзя одну [партию] поддерживать, а другую преследовать», к тому же «по университетским правилам всякие организации незаконны» [40, 119]. Инспектор ответил студентам, что «всякие общества будут преследоваться» [40, 119]. Кроме того, на заседании университетского Совета был «поднят вопрос о несовместимости кружков студентов, проповедующих донос» с учебой этих студентов в университете [40, 119]. В Харьковском Ветеринарном институте также прошла аналогичная сходка, на которой присутствовало около 250 человек. На этом собрании было решено выразить презрение студентам-монархистам, выявить студентов, сочувствующих Русскому собранию и «опубликовать их фамилии как в местных прокламациях, так и в заграничных революционных изданиях и предъявить требование к учебному начальству об увольнении этих студентов из института. При неисполнении требования – объявить забастовку» [41, 121].

Необходимо отметить, что радикалы с успехом использовали существующее законодательство, запрещавшее какую-либо партийную деятельность. Другими словами, левые кружки и организации могли вполне вольготно себя чувствовать в стенах учебных заведений и без «дозволения начальства». Особенности государственного устройства страны не позволяли монархистам создавать легальные партии и организации, даже заявлявшие о приверженности монархии. В то же время для правых наличие легального статуса было необходимым условием для их политического существования. Сформировать легальные партии правые смогли лишь в ходе революции 1905–1907 гг., после указов 18 февраля и 17 октября 1905 г. Однако именно 1903 г. стал одним из рубежей политической активизации в истории правого движения.

В январе-феврале 1904 г. наблюдался патриотический подъем по поводу начала Русско-японской войны. В Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Курске и других городах, проходили патриотические манифестации под монархическими лозунгами, служились молебны и т. д. Радикалами проводились контрдемонстрации, которые в ряде случаев приводили к столкновениям.

Например, в Петербурге 31 января 1904 г. в «университетской церкви был отслужен молебен о даровании успеха русскому оружию на Дальнем Востоке. После молебна... громадная толпа студентов запела "Боже, Царя храни" и с пением двинулась к выходу вниз. В это время на площадке у актового зала собралась группа студентов, человек 40–50, которые встретили манифестантов криками "Долой позорных холуев", "Идите в полицию и охранное отделение, здесь не место безобразиям". Манифестанты на это ответили криком "Ура" и снова запели гимн, который противная партия пыталась прервать свистками и пением русской Марсельезы» [42, 121–122]. По этому поводу упомянутый выше приват-доцент Никольский «сказал несколько слов, в которых выразил свою радость по поводу патриотического настроения студенчества. Речь эта была покрыта громким "Ура". Никольского подняли на руки и хотели нести к выходу, но противная партия с криками "Дать ему в морду" хотела его отбить. Тут произошла свалка, которая была прекращена при появлении чинов инспекции, переписавших всех участников драки [с] обеих сторон» [42, 122]. Интересно отметить, что студенты-монархисты присоединились на улице к другим манифестантам, которые, надо полагать, несли иконы, хоругви и другие религиозные,

национальные символы. При этом студенты-революционеры «демонстративно стояли в стороне с покрытыми головами и курили папиросы» [42, 122]. Таким образом радикалы открыто показывали оскорбительное неуважение к патриотическим и национально-религиозным чувствам населения. Тем самым, революционно настроенные студенты своими действиями явно провоцировали столкновения. Однако тогда кровопролитных столкновений, которые произошли в октябре 1905 г., удалось избежать. Заметим, что позже «неснятие» головных уборов перед «иконами и портретами государя» во время патриотических демонстраций по поводу издания Манифеста 17 октября заканчивалось массовыми уличными побоищами, иногда и с применением оружия, которые приводили к человеческим жертвам с обеих сторон.

Нападения на студентов-монархистов произошли в начале февраля 1904 г. и в Одессе. Студенты-радикалы выломали дверь в помещение, в котором располагался университетский студенческий монархический кружок, «бросили туда флакон зловонной жидкости», при этом раздавали «дерзкие листовки» [43, 122].

Харьковские студенты-монархисты также участвовали в патриотических манифестациях. Причем ими организовывались и собственные, исключительно студенческие манифестации. Харьковские студенты послали царю телеграмму с «выражением верноподданнических чувств» [44, 123].

Революционеры встретили патриотические манифестации с негодованием и недоумением. В листовке «Группы социал-демократов г. Харькова» отмечалось, что участие студентов в этих манифестациях «должно показаться странным, непонятным... это те самые студенты, которые не так давно еще стояли во главе... движения общества против опостылевшего режима... объявление войны заставило студенчество забыть все притеснения... которые оно постоянно терпело от правительства» [44, 124], – признавали радикалы. Они также признавали, что монархистам на волне патриотического подъема удалось «выдвинуться на минуту вперед», т. е. на время развернуть общественное мнение в сторону патриотизма. Мнение радикалов о том, что многочисленные патриотические манифестации «дают ложное представление о силе и численности» [44, 125] монархистов, оказалось верным. Другими словами, революционеры точно отметили, что правые организации в тот период были весьма немногочисленными. События 1905 г. показали, что, несмотря на выражение патриотических чувств частью

населения, приверженцы радикалов доминировали в общественном сознании.

Однако социал-демократы все же оставались доктринерами. Они были уверены сами и пытались убедить общество в том, что «патриотические дебоши», как назывались радикалами патриотические демонстрации, организованы «шпиками», «мракобесами» и «приспешниками Русского собрания в студенческой форме». Радикалы считали, что «незначительное число молодых неопытных товарищей, не успевших еще разобраться в важности исторической минуты, легко поддавались впечатлению "народных" манифестаций, инициированных полицией и Русским собранием» [44, 125]. Другими словами, радикалы считали, что граждане не могли «сплотиться без различия [политического] лагеря и убеждений» [44, 125] в то время, когда внешняя опасность являлась серьезным испытанием для всей страны. Революционеры рассматривали внешнюю угрозу лишь как возможность улучшить свои политические позиции в борьбе с самодержавием.

Листовки с критикой революционеров вышли из противоположного лагеря. Например, 12 февраля 1904 г. зафиксировано обращение от имени «Группы патриотов г. Тифлиса», в котором содержался призыв «сплотиться на защиту отчизны» с резкой критикой радикалов за фактическую поддержку Японии: «Все население России, как один человек, грозно сплотилось на защиту отчизны, когда из самых отдаленных уголков нашей родины слышатся крики возмущения против действия дикой Японии, и каждый спешит принести дань на алтарь отечества... когда население чуть ли не всего мира... шлет выражение сочувствия России... [революционеры] обращаются с безумным... призывом... против патриотического воодушевления» [45, 125]. Авторы листовки называли «наглой ложью» утверждение, содержащееся в обращениях левых о том, что полиция организует патриотические манифестации.

Похожая листовка к харьковским рабочим появилась в начале декабря 1904 г. от имени «Кружка русских рабочих "За Веру, Царя и Отечество!"», образовавшегося в конце ноября и призывавшего «истинно русских людей» объединиться в монархическую организацию. Листовка начиналась с обращения «Товарищи!». Кружок ставил своей целью пропаганду взглядов правых на текущее положение в стране в рабочей среде. В ней содержался призыв к рабочим не поддерживать своим участием «беспорядки», т. е. забастовки, антипра-

вительственные демонстрации и т. д. Русские радикалы, которые примкнули к революционному движению, назывались «продавшимися за деньги» инородцам. Участие в «беспорядках», которые «вызываются недругами русского народа», невыгодно самим рабочим, терпящим от забастовок «горе и нужду». В то время как в «выигрыше остаются... евреи, поляки, армяне и другие инородцы... [которые] сидят за нашими спинами и подбивают нас, рабочих, к... беспорядкам» [46, 126]. В листовке содержался призыв к «истинно русским людям» дать отпор радикалам, «дабы дружным натиском и разом избавиться от всех тех паразитов, которые так беззастенчиво сосут русскую кровь» [46, 126]. Таким образом, правые видели причины нелегкого социально-экономического положения населения не в объективных причинах, а в происках «инородцев» и «недрузгов русского народа». Авторы обращения призывали харьковчан провести 6 декабря 1904 г. манифестацию в «день Тезоименитства государя». Ранее левые в своих листовках призывали население принять участие в антиправительственной манифестации и тем самым «желали обидеть Царя и оскорбить наши русские чувства». Заканчивалась листовка призывом дать отпор революционерам как «японским лакеям-прихвостням», устроив контрдемонстрацию в тот же день [46, 127].

Скорее всего, данное обращение было написано не рабочим, а кем-то из деятелей Харьковского РС. Возможно, листовка составлена лишь при участии местных рабочих-монархистов, имевших контакты с Собранием. Вероятно и то, что никакого «Кружка русских рабочих», оформленного организационно (кстати, это противоречило законодательству страны) в Харькове в тот период тоже не было. Однако позднее, в ходе революции 1905–1907 гг., некоторая часть рабочих примкнула к правым. Были образованы правые партии и организации, как специально рабочие, так и те, деятельное участие в которых принимали представители рабочего класса.

Патриотические манифестации и случавшиеся с революционерами стычки были предвестником погромов и столкновений октября 1905 г. и являлись серьезным предупреждением радикалам, которые продолжали тешить себя мыслью, что эти демонстрации организовывались властями, а их участники – либо «тайные и явные» агенты полиции, либо темные, отсталые слои населения. Массовые патриотические манифестации октября 1905 г. показали, что в народе еще не окончательно рассеялись «монархические иллюзии».

Анализируя рассмотренные прокламации, можно сделать вывод о том, что основным объектом призывов правых была учащаяся молодежь и рабочие, т. е. те слои населения, которые спустя некоторое время приняли самое активное участие в революции. Заметно отсутствие обращений к другим социальным группам, и особенно к крестьянам. Правые продолжали рассматривать крестьян как верноподданную часть населения. Погромы 1905–1906 гг. показали, что крестьянство оказалось падким на призывы левых к «принудительному отчуждению частновладельческих земель». Однако несмотря на это, большая часть крестьян сохраняла приверженность прежним устоям. В последствии именно крестьяне составляли большую часть членов правых партий, особенно в провинции. Заметно и то, что отсутствовали прямые призывы правых к властям. Тем самым правые как бы информировали общественность, и лишь заодно власти, о планах своих действий. Только в одном обращении Холмского Русского общества содержалась критика «отдельных недостатков» чиновников, берущих взятки, а отнюдь не самого государственного строя, не разрешающего правым создать легальные партии.

Заметно также, что в этих обращениях виновниками нелегкого социально-экономического положения населения объявлялись внешние враги России и различные «инородцы». В листовках правых присутствовали и антисемитские выпады, т. е. главной движущей силой революции объявлялись евреи. Однако лишь одно обращение Русского союза в Бобруйске содержало призыв к насилию над евреями. В остальных же случаях борьба с инородцами подразумевала мирные средства.

Важным является вопрос о том, кто реально стоял за появлением этих призывов. В случае с зарубежной «Лигой для спасения Русского отечества» все предельно ясно, ее деятельность инспирировал Рачковский. Кто стоял за появлением ВКБПС – неизвестно, но можно с уверенностью сказать, что автором обращения от имени этой организации был Пантелеевский, в дальнейшем один из лидеров воронежских правых. За обращением от имени «Кружка русских рабочих» в Харькове стояло Русское собрание, выпустившее листовку с ведома властей. Рабочие организации правых зубатовского толка в Москве, Нижнем Новгороде и других городах выпускали свои листовки с ведома властей. Что касается обращений, появившихся в Холмске и Бобруйске, то также неизвестно, кто за ними стоял. В этих случаях

прокламации подписывались различными организациями: Холмским монархическим обществом, Холмским русским обществом, «Русским союзом» Бобруйска. Следует отметить, что везде, где до 1905 г. появлялись призывы монархистов, после 1905 г. там образовывались местные, а также филиалы центральных правых организаций. Таким образом, в различных частях страны имелась монархически настроенная часть населения, готовая примкнуть к правым партиям.

Большая часть текстов обращений была изготовлена на гектографе и мимеографе, за исключением призыва ВКБПС и «Русского союза», написанных от руки. Можно предположить, что печатные прокламации изготавливались с ведома и при поддержке властей, так как только революционеры обладали собственными подпольными типографиями в России, а также завозили печатную продукцию из-за рубежа. Скорее всего, пропагандистская деятельность нелегальных и полулегальных кружков финансировалась из секретного фонда ДП МВД, через который позднее шла значительная часть правительственных субсидий правым партиям. Что касается призывов, написанных от руки, то они наверняка являлись продуктом деятельности самодеятельных монархистов. В случае с призывом ВКБПС местные жандармы точно знали и автора, и изготовителя призыва, однако никаких «мер» к ним принято не было. Появление призыва было лишь зафиксировано в делопроизводственной документации Воронежского ГЖУ. Листовка из Бобруйска наверняка была изготовлена без участия полиции. Прокламация содержала совершенно недопустимые призывы к национальному и религиозному насилию. Листовка была направлена не только против еврейских революционеров-социалистов, но и против иудеев вообще и содержала откровенные призывы к насилию. Возможно, что данное воззвание являлось откровенной провокацией со стороны революционеров для дискредитации как властей, так и монархистов. Сложно с уверенностью сказать, кто стоял за появлением листовок.

Как уже говорилось, призывы правых с точки зрения законодательства страны были таким же незаконными, как и листовки радикалов. Можно сказать, что власти таким незаконным способом с помощью самодеятельных монархистов попытались провести своего рода мониторинг настроений в обществе с целью выяснить, как общественность отреагирует на появление монархических организаций, а также выявить потенциальных сторонников правых партий. Другими словами, власть уже

почувствовала необходимость в общественной поддержке. Таким образом, в начале XX в. властями были предприняты попытки создания правых организаций «сверху». Однако даже несмотря на относительный успех Лиги, эти инициативы не получили дальнейшего развития.

Обращает на себя внимание и слабая материальная база самодеятельных правых групп. Об этом свидетельствует в ряде случаев факт распространения написанных от руки прокламаций количеством не более нескольких десятков экземпляров. Следствием этого являлось слабое влияние, оказываемое монархистами на общество. Другими словами, правые того времени не могли на равных соперничать с левыми организациями за влияние на общество.

Еще одним важным моментом является то, что в тот период отсутствовала общероссийская организация, которая бы координировала действия местных правых кружков. Такой организацией могло бы стать Русское собрание. Однако Собрание в силу своей специфики не могло в тот период выступить организатором появления призывов в разных частях империи. Необходимо отметить и спонтанность появления призывов. В большинстве случаев данные кружки, издававшие прокламации, были результатом инициативы исключительно местных консерваторов. Вероятно, что на появление данных кружков в провинции оказало влияние столичное Русское собрание, а также деятельность заграничной Лиги, слухи о которой проникали и в Россию. Во всяком случае в данных обращениях происходила «обкатка» политических заявлений правыми. Однако очевидно и то, что главной причиной появления данных правых групп была активизация оппозиционного движения в России. Другими словами, правому движению была свойственна рефлекторность, т. е. действия правых были ответными на действия оппозиционных сил. Эта характерная особенность правых организаций сохранялась и в дальнейшем.

Необходимо отметить, что в начале XX в. в России высшие слои российского общества охватила мода на создание различных спиритических, мистических, оккультных, масонских и т. п. обществ, имевших полулегальный характер. Обычно подобные общества характеризуются как проявление либеральных тенденций. Однако видно, что и консервативные круги не остались в стороне от процесса создания тайных, полулегальных организаций и кружков [47].

Следует сказать, что к концу 1904 г. у монархических кружков и объединений уже был определенный политический опыт, поддержка некоторой

части населения, но противостоять надвигающейся революции они не могли. Однако в 1902–1904 гг. были созданы предпосылки для появления правых партий. Правое движение смогло выйти на политическую арену лишь в ходе революции 1905–1907 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. С. 3–4.
2. *Кирьянов Ю. И.*, Додонов Б. Ф. Предыстория правомонархических партий в России. 1902–1905 // Исторический архив. 2001. № 4–5.
3. Московские ведомости. 1905. 7 января. С. 1.
4. Преосвященнейшему Парфению, епископу Можайскому, из письма «московских рабочих» // *Кирьянов Ю. И.*, Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 4. С. 80.
5. См.: *Лукоянов И. В.* Русское собрание (в 1900–1904 гг.) // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998.
6. См.: *Рылов В. Ю.* Деятельность правоконсервативной организации Русское Собрание (1901–1917 гг.) // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее : сб. науч. трудов. Вып. 1. / под ред. А. Ю. Минакова. Воронеж, 2001. С. 159–173.
7. См.: *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание. 1900–1917. М., 2003.
8. См.: *Лаврычев В. Я.* «Беседа» и тенденции к консолидации консервативных сил в России конца XIX – начала XX в. // Отечественная история. 1994. № 3. С. 43–57.
9. См.: *Рылов В. Ю.* Правое движение в Воронежской губернии. 1903 – 1917. Воронеж, 2002.; Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М., 2006.
10. См.: *Макаренкова Е. М.* «Русские патриоты взволновались и объединились». Вступительная статья // Источник. 1999. № 3. Интересно отметить, что этот сюжет достаточно подробно описан в художественной литературе [См.: Эко У. Маятник Фуко. СПб., 2004. С. 558 – 559.].
11. Доклад чиновника Особых поручений П. И. Рачковского – Его Превосходительству господину и.д. директора Департамента полиции МВД [С. Г. Коваленскому] // *Кирьянов Ю. И.*, Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 4. С. 81.
12. См.: Текст об «Антиреволюционной лиге», подготовленный радикалами, для рабочих и прогрессивных газет Вены, Берлина и Лондона // *Кирьянов Ю. И.*, Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 4. С. 87.
13. Доклад чиновника Особых поручений П. И. Рачковского... // *Кирьянов Ю. И.*, Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 4. С. 82.
14. Записка заведующего Особым отделом ДП МВД Л. А. Ратаева – П. И. Рачковскому // *Кирьянов Ю. И.*, Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 4. С. 86.
15. Министр внутренних дел В. К. Плеве – графу В. Н. Ламздорфу // *Кирьянов Ю. И.*, Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 4. С. 85.

16. Князь Урусов – графу В. Н. Ламздорфу // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 4. С. 86.
17. Текст об «Антиреволюционной лиге»... // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 4. С. 87.
18. *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II. В 2-т. Т. 1. С. 69.
19. Данный проект выявлен в фонде Конторы Великого князя Константина (РГИА. Ф. 538. Оп. 1. 1903 г. Д. 4.). См.: Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 4. С. 79.
20. «Контрпрокламация» Нижегородского комитета «Слово и дело» // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 110.
21. Листовка Нижегородского комитета «Слово и дело» // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 111.
22. Прокламация Нижегородского комитета «Слово и дело» // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 113.
23. Листовка Нижегородского комитета «Слово и дело» // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 111.
24. Донесение начальника минского губернского жандармского управления в ДП МВД // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 114.
25. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 1. Воронежское губернское жандармское управление. Оп. 2. Д. 170. Л. 1.
26. Воронежский телеграф. 21 сентября. 1903. № 122. С. 2.
27. См.: *Рылов В. Ю.* Правомонархическое движение в Воронежской губернии (1903–1917). Дисс. канд. ист. наук. Воронеж, 2000.; Рылов В. Ю. Правое движение...; Воронежский комитет борьбы против социализма // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. М., 2003. С. 149.
28. *Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф.* Указ. соч. № 5. С. 114–115. Текст обращения был опубликован не полностью. Полный текст опубликован в кн.: Рылов В. Ю. Правое движение... С. 172–173.
29. *Кирьянов Ю. И.* [Предисловие] В кн.: Рылов В. Ю. Правое движение... Указ. соч. С. 4.
30. Листовка Холмского монархического общества // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. № 5. С. 119.
31. Листовка Отдела Холмского Русского общества «Православие, самодержавие, народность» // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. № 5. С. 120.
32. Выписка из полученного агентурным путем письма студента-юриста С. Мандрыкина. Харьков, от 4 декабря 1903 г., Любови Анатольевне Костаревой, в Киев, Кузнецкая ул., д. 18, кв. 4. // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. № 5. С. 118.
33. Выписка из полученного агентурным путем письма (с неразборчивой подписью): Харьков, от 3 января 1904 г., к Н. А. Столярову, в Киев, Трехсвятительная, 17. // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 120.
34. Харьковские губернские ведомости. 1903. 26 ноября. С. 2. Это стихотворение, написанное в 1902 – 1903 гг., вышло под заголовком «Русское собрание» по случаю открытия Харьковского отдела РС. В литературе оно более известно по первой строфе «В тумане смутных дней». В дальнейшем стихотворение стало одним из гимнов правых. Текст стихотворения опубликован [Степанов А. Д. Черная сотня. Взгляд через столетие. СПб., 2000. С. 17 – 18.; Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 116.]
35. Письмо А. С. Вязигина – Б. В. Никольскому // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 117.
36. Запись заседания Совета Русского собрания // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 125.
37. Копия с полученного агентурным путем письма с подписью: «Ваш Саша». Харьков от 30 ноября 1903 г., к Акиму Барышеву в Рославль Смоленской губернии, до востребования // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 115.
38. Выписка из полученного агентурным путем письма студента-юриста С. Мандрыкина... // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 118.
39. Выписка из полученного агентурным путем письма (с неразборчивой подписью)... // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 120.
40. Выписка из полученного агентурным путем письма студента-юриста С. Мандрыкина... // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 119.
41. Донесение начальника Харьковского охранного отделения – директору ДП МВД // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 121.
42. Донесение Петербургского градоначальника – министру внутренних дел // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 121 – 122.
43. Телеграмма начальника Одесского охранного отделения – директору ДП МВД // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 122.
44. Листовка «Группы социал-демократов» г. Харькова // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 123.
45. Прокламация группы патриотов г. Тифлиса // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 125.
46. Прокламация организованного кружка русских рабочих «За Веру, Царя и Отечество!» // Кирьянов Ю. И., Додонов Б. Ф. Указ. соч. № 5. С. 126.
47. Членом Русского собрания был масон В. И. Гурко [Бородин А. П. Государственный Совет России (1906–1917 гг.). Киров, 1999. С. 284 - 285.], а членом Всероссийского национального клуба и Правой группы Гос. совета был масон А. Н. Наумов [Бородин А. П. Указ. соч. С. 295.]. Интересно отметить, что В. А. Шмаков (сын А. С. Шмакова, известного правого деятеля, автора многочисленных публикаций с «разоблачениями жидо-масонского заговора») был оккультистом и мистиком, считался «общепризнанным главой московских розенкрейцеров» [См.: Никитин А. Л. Тайные ордены в Советской России. Тамплиеры и розенкрейцеры. М., 2006. С. 34.; Репников А. В. Указ. соч. С. 214.]